

УДК 303.01

DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24

КАРТА ВЕСТЕРНОЛОГИИ ДЛЯ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Дугин А. Г.*Российский государственный гуманитарный университет**125047, г. Москва, Миусская площадь, д. 6, Российская Федерация*

Аннотация

Цель. Системная критика западной эпистемологической гегемонии и универсалистских претензий, выражающихся в навязывании западных критериев развития и прогресса как единственно верных для всего мира.

Процедура и методы. Анализ вестернологии, демонстрирующий значение цивилизаций и отрицающий универсальность западного образца развития. Критика европоцентристского подхода в науке и гуманитарных исследованиях, разоблачение искажённых представлений о незападных культурах (на примере работы Э. Саида «Ориентализм»). Изучение исторических практик колониализма и их влияния на формирование ложных представлений о превосходстве Запада.

Результаты. Выявление и демонстрация системности и масштабности западной эпистемологической гегемонии. Понимание того, как западные представления о научности, истинности, прогрессе навязывались и продолжают навязываться остальному миру. Обоснование необходимости более системного подхода к развенчанию западного универсализма в условиях формирования многополярного мира.

Теоретическая и/или практическая значимость. Теоретически работа способствует развитию постколониальных исследований и формированию более объективного понимания мировой истории и культурного многообразия. Практически она может способствовать построению более справедливых международных отношений, основанных на уважении к культурному своеобразию разных народов и отказу от навязывания западных ценностей и стандартов как единственно возможных.

Ключевые слова: вестернология, Запад, государство-цивилизация, цивилизация, модернизация

THE MAP OF WESTERN STUDIES FOR THE RUSSIAN CIVILIZATION

A. Dugin*Russian State University for the Humanities**Miuskaya pl. 6, Moscow 125047, Russian Federation*

Abstract

Aim. Systematic critique of the Western epistemological hegemony and universalist claims expressed in the imposition of the Western criteria of development and progress as the only true ones for the whole world.

Methodology. Analysis of Western studies demonstrating the importance of civilizations and denying the universality of the Western model of development. Criticism of the Eurocentrist approach in science and humanitarian studies, exposure of distorted ideas about non-Western cultures (as exemplified by the work of Edward Said "Orientalism"). Study of the historical practices of colonialism and their influence on the formation of false ideas about the superiority of the West.

Results. Identification and demonstration of the systematicity and magnitude of the Western epistemological hegemony. Understanding how Western ideas of science, truth, progress have been and continue to be imposed on the rest of the world. Justification of the need for a more systematic approach to the collapse of Western universalism in the context of the formation of a multipolar world.

Research implications. In theory, the work contributes to the development of post-colonial studies and formation of a more objective understanding of world history and cultural diversity. In practice, it can contribute to building more just international relations based on respect for the cultural identity of different peoples and the rejection of the imposition of Western values and standards as the only possible.

Keywords: Western studies, West, State-Civilization, civilization, modernization

Введение

Вестернология, т. е. изучение западной цивилизации как самостоятельного объекта, основана на принципе полного равноправия цивилизаций и на отказе от признания Запада, его истории и культуры как *универсального образца* для всех остальных народов и обществ в общем контексте человечества. В ходе столетий своих колониальных практик и, прежде всего, в Новое время западная цивилизация преуспела в том, чтобы навязать человечеству ложное представление о том, что *только Запад* обладает последним словом в определении критериев научности, истинности, развития и прогресса, а сама история народов Запада является *образцом* всей мировой истории в целом. Если народы Запада проходят в своём развитии определённые стадии, значит, и все другие народы обречены на то, чтобы, пусть с отставанием, но следовать по тому же маршруту. Если на Западе вместо богословия и религии утвердился рациональная наука и основанное на ней мировоззрение, то это непререкаемый закон для всех остальных обществ, которые также должны принять научные представления современного Запада, отказываясь от своих традиционных идей, верований и учений. Всё незападное и несовременное Запад осмеивает и унижает, сводя к «детским» или «примитивным» формам цивилизации, стадии которых сам Запад уже давно, прошёл, а остальные народы завязли в предрассудках прошлого.

Всё это является *аксиомой* современной науки – как гуманитарной, так и

естественной, и до последнего времени не ставилось всерьёз под сомнение ни одной незападной культурой. По крайней мере, масштабно и системно. В каких-то отдельных сферах незападные общества имели право на самостоятельность, но поднимаясь к научным и цивилизационным обобщениям, только западные критерии и принципы признавались адекватными и нормативными.

Целевым ориентиром представляемого рассмотрения является проведение научной критики системы западной эпистемологической гегемонии. Универсалистские претензии, предъявляемые с позиций вестернизированной науки, необходимо подвергнуть ревизии с позиции представления о равенстве цивилизаций и вариативности познавательных моделей.

Цель исследования определяет применяемый методологический инструментарий. Пересмотр позиции западного универсализма возможен на платформе методологии, отрицающей сам принцип универсализации. Этому критерию соответствует цивилизационный подход. Обращение к цивилизационному подходу даёт возможность в данном случае задать цивилизационную оптику: взгляда на цивилизацию Запада через призму ценностей и смыслов цивилизации России.

Ориентализм и вестернология: к системной критике западной эпистемологической гегемонии

Многие авторы пытались поставить под сомнение такую *эпистемологическую гегемонию*, но лишь для критики сплошь

и рядом совершенно искажённых представлений Запада о незападных цивилизациях. Так, американский философ арабского происхождения Э. Саид написал программный труд «Ориентализм» [12], в котором подверг системной критике колониальные представления Запада о том, что представляет собой культура Востока, справедливо показав, что мы имеем дело с заведомой карикатурой, подменяющей действительно глубокое изучение незападных цивилизаций набором предубеждений и расистских клише.

Но такого рода работы затрагивали чаще всего лишь отдельные стороны западного универсализма. По мере строительства многополярного мира стало очевидно, что необходим *более системный и масштабный подход* к развенчанию универсалистских претензий Запада на то, чтобы быть единственной и главной инстанцией, выносящей окончательное решение о том, что является истинным или ложным, научным или ненаучным, справедливым и несправедливым, прогрессивным и отсталым, моральным и аморальным, и даже существующим и несуществующим.

На современном Западе, по выражению Ф. Ницше [11], это цивилизационная аксиома. Значит, в глазах людей Запада Бога нет для всего человечества, а если кто-то считает иначе, то только в силу своего «невежества» и «отсталости». Также дело обстоит и со всеми другими метафизическими основаниями западной цивилизации, автоматически считающей, что то, что справедливо для неё, верно и обязательно и для всех остальных обществ, культур, народов и территорий.

Таким образом, возникла потребность в том, чтобы по аналогии с «ориентализмом» Саида ввести дисциплину, которая изучала бы Запад и его претензии на общечеловечность *со стороны*, не впадая в иллюзорный гипноз претензий Запада на универсализм. Этим и стало новое направление – *вестернология*, т. е. изучение западной цивилизации как од-

ной из нескольких наряду с другими, с параллельным понижением статуса всей системы западной науки, культуры, политики и философии с глобального до регионального уровня, до одной из нескольких возможных точек зрения, совершенно не обязательно являющейся истиной в последней инстанции. Основные операции при разработке полной и общей карты вестернологии можно представить на следующих схемах.

Базовые схемы вестернологии: цивилизационный плюрализм

Рассмотрим реальную картину соотношения цивилизаций между собой (рис. 1).

На рисунке наглядно представлена модель плюрализма цивилизаций, где каждая из них обладает полным эпистемологическим и культурным суверенитетом, но только в своей зоне приоритетного влияния. Эти зоны влияния цивилизаций могут накладываться друг на друга, порождая феномены фронта, но, тем не менее, в некоторой зоне ядра или устойчивой доминации той или иной цивилизации именно её критерии, ценности, аксиомы и эпистемы являются высшим и неоспоримым – *последним* – уровнем, над которым не существует никакой более высокой инстанции. В таком случае мы фиксируем твёрдый и бескомпромиссный *цивилизационный плюрализм* как базовую фундаментальную установку многополярного мира.

Карта западной гегемонии

Однако гегемония Запада на всех уровнях настаивает на иной схеме. Запад провозглашает свою систему ценностей и свои эпистемологические основания *универсальными* и воспринимает свою собственную цивилизацию и её критерии как *общечеловеческие* и *глобальные*. В этом и состоит феномен *глобализма* как убеждённости в том, что либеральная идеология, политическая представительская демократия, рыночная экономика и

техноцентрическое развитие представляют собой не просто характеристики современного западного общества, но являются общечеловеческими нормами, ценностями и целями (рис. 2).

Именно так обстоит дело в современной науке и образовании в глобальном масштабе. И западные общества, и западные по умолчанию разделяют именно такой *глобалистский* и *гегемонистский*

Рис. 1 / Fig. 1. Соотношение цивилизаций / Ratio of civilizations

Источник: составлено автором

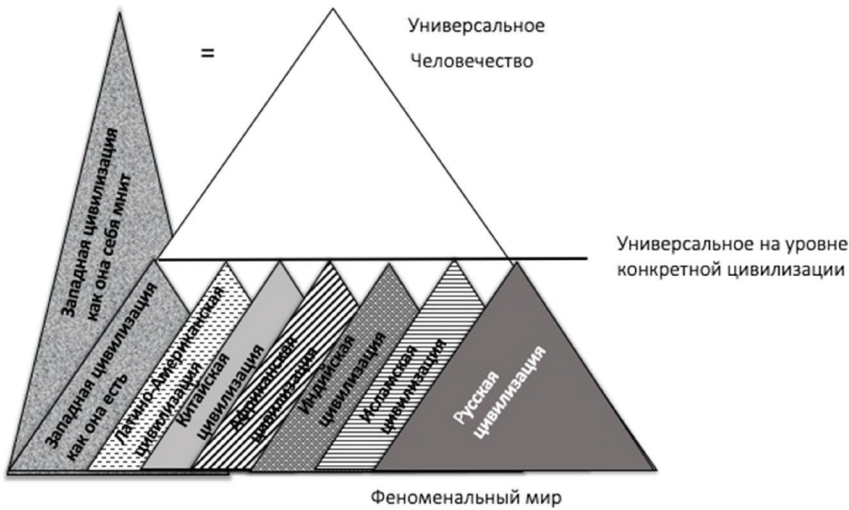

Рис. 2 / Fig. 2. Глобалистский и гегемонистский подход восприятия западной цивилизации / Globalist and hegemonic approach to the perception of Western civilization

Источник: составлено автором

подход. Конечно, и на самом Западе есть школы и течения, которые критикуют эту претензию на эпистемологическую *монополию смыслов* Запада. Ярче всего это представлено в американской культурной антропологии (Ф. Боас и его школа [1]), в структурной антропологии К. Леви-Строса [9], в некоторых направлениях постмодернизма и антиколониальных исследований. Но в целом даже критика претензий Запада на универсальность обосновывается чаще всего именно западными критериями и, более того, касается только тех архаических обществ, которые считаются «примитивными». Применить метод плюральной антропологии, основанной на эмпатии и на погружении в систему иных незападных культур для выяснения их закономерностей и семантических осей, к развитым незападным цивилизациям не решился вообще практически никто из самых авангардных критиков западного культурного империализма.

Отвержение западной претензии на универсальность

Многополярный мир требует именно этого, и в этом, собственно, и состоит основа вестернологии – *возвратить Запад к его частной позиции в контексте цивилизаций и лишить какого бы то ни было права на легитимацию своих претензий на универсальность*.

Наглядно это представлено на рисунках 3 и 4.

В результате отвержения претензии западной цивилизации на тождество с общечеловеческими критериями и ценностями и возвращению универсалистских амбиций Запада к реальным пропорциям и адекватному месту в контексте различных человеческих цивилизаций мы снова должны получить соотношение цивилизаций, схему, с которой и начали (рис. 1).

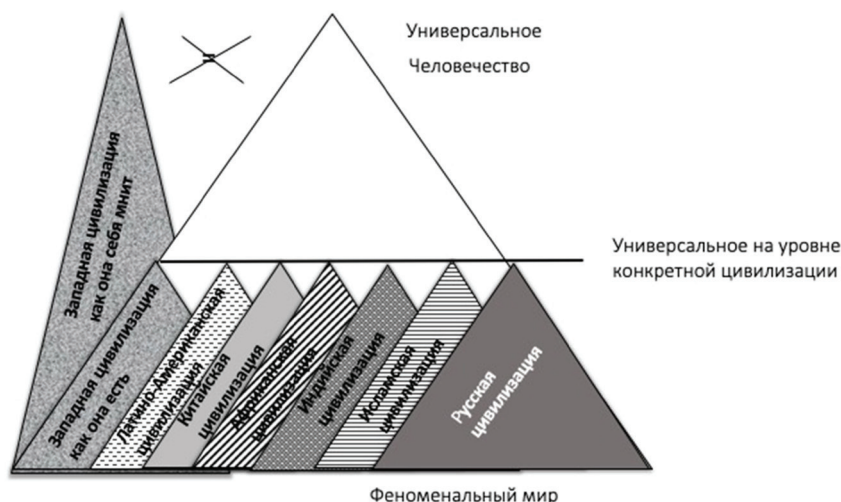

Рис. 3 / Fig. 3. Акт отвержения претензии западной цивилизации на тождество с общечеловеческими критериями и ценностями / The act of rejecting the claim of Western civilization for identity with universal criteria and values

Источник: составлено автором

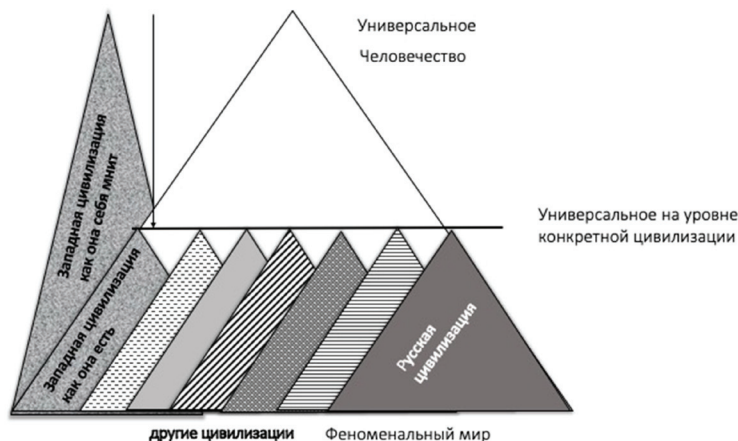

Рис. 4 / Fig. 4. Процесс возвращения универсалистских амбиций Запада к реальным пропорциям и адекватному месту в контексте различных человеческих цивилизаций / The process of returning the universalist ambitions of the West to the real proportions and an adequate place in the context of various human civilizations

Источник: составлено автором

Гептархия

Такова структурная логика построения вестернологии. Все начинается с постулата многополярности, множественности цивилизаций, которую можно приблизительно и предварительно свести к модели гептархии, т. е. к 7 главным цивилизациям:

1. западной,
2. русской,
3. китайской,
4. индийской,
5. исламской,
6. латино-американской,
7. африканской.

Причём 4 из них уже оформлены в государства-цивилизации:

1. коллективный Запад, NATO-land;
2. Россия–Евразия, Русский мир;
3. Великий Китай;
4. Великая Индия (Акханд Бхарат).

Остальные 3 представляют собой констелляции отдельных национальных государств, объединённые религией, культурой, географией, историей, экономикой и т. д., но ещё не сплотившиеся в единую политическую и геополитическую систему.

Собственно, многополярность и создаётся через построение вестернологии

и помещение вестернологических процедур, самым общим образом представленных в данных схемах, в основание новой архитектуры международного полицентричного порядка.

Вестернологическое древо русской цивилизации

Следующим шагом является построение вестернологической модели применительно к каждой из цивилизаций. Очевидно, что отношение к Западу и история взаимных контактов с ним в ходе колонизации или цивилизационного противостояния у каждой из больших человеческих цивилизаций представляют собой нечто *уникальное* и не подпадающее под единообразную схему.

Так, в отношении содержания и природы *русской* цивилизации можно услышать 2 противоположных мнения:

- это – *часть западной цивилизации*,
- это – *полностью самобытная цивилизация* (не западная и не восточная, а евразийская).

Это противоречие разрешается схемой (рис. 5), где дан график истории русской цивилизации, начиная с её корней. Именно такую схему и следует взять за

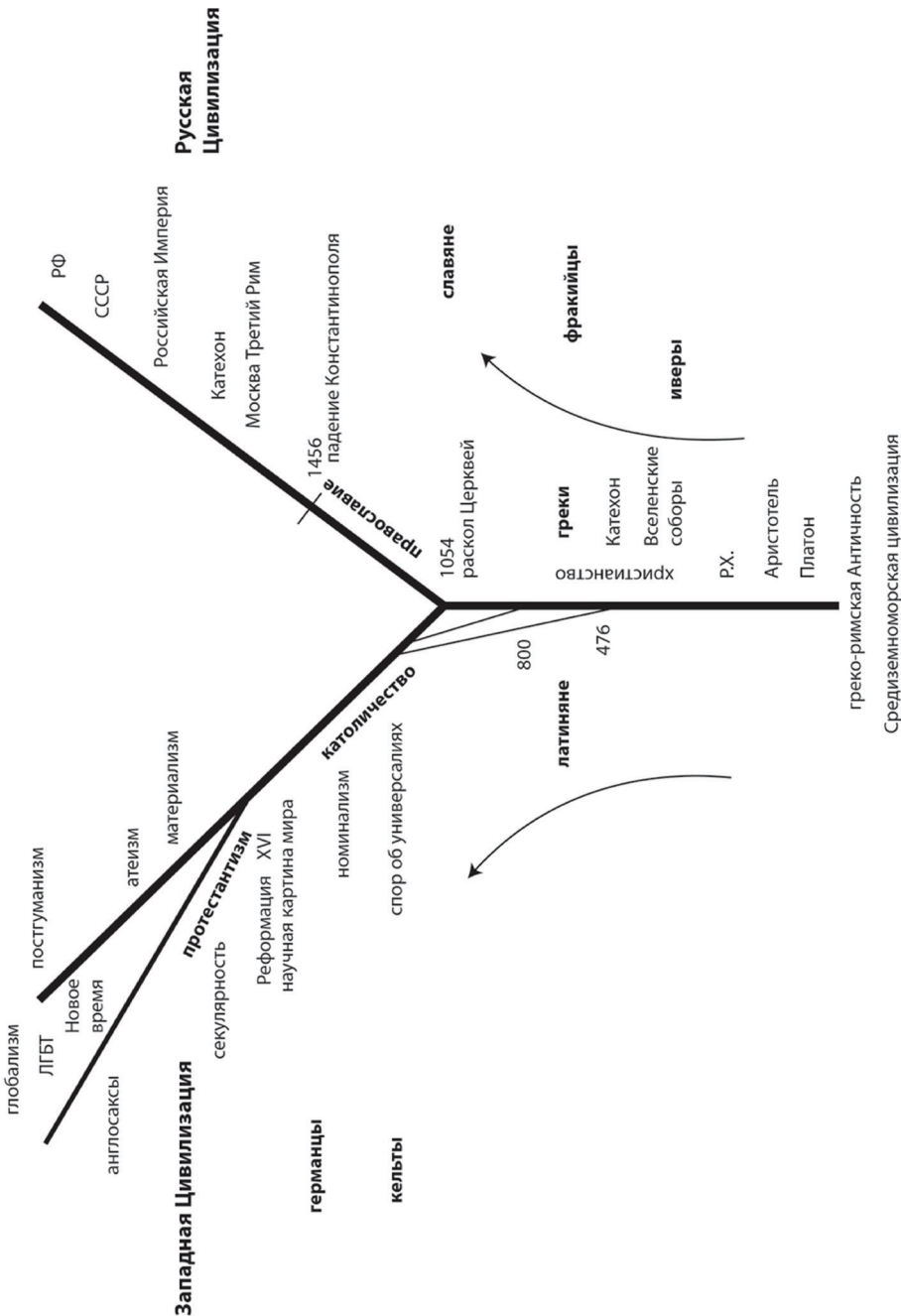

Рис. 5 / Fig. 5. График истории русской цивилизации / The Graph of the history of Russian civilization

Источник: составлено автором

основу построения *русской версии венетологии*.

Наглядно показано, как решается противоречие между утверждениями о том, что «Россия – цивилизация западная» и «Россия – незападная». В исторической перспективе мы видим, что Россия является *наследницей христианской цивилизации по византийской линии*, а сама византийская православная культура является прямым продолжением греко-римской традиции с греческими корнями (прежде всего воплощёнными в философских системах Платона и Аристотеля). Поэтому до определённого момента русская цивилизация и её предшественница византийская цивилизация являются *одним и тем же* с западноевропейской цивилизацией – также христианской, греко-римской и платоновско-аристотелевской по своим истокам, а с какого-то момента они *разделяются*. Восточные славяне включаются в византийский контекст и выступают в её наследие незадолго до момента окончательно раскола христианства на западную (католическую) и восточную (православную) ветви, поэтому большинство исторического времени наше становление проходит уже в отдалении от западно-европейского католического Средневековья, и дистанция с Западной Европой со временем только возрастает, но до церковного раскола XI в. и греко-византийская православная линия, и римо-католическая представляли собой *нечто целое*. А значит, в своих истоках и наша русская цивилизация может рассматриваться как *продолжение этого греко-римского синтеза*. Причём с содержательной культурной духовной и интеллектуальной точки зрения, доминантой греко-римского синтеза и в христианскую, и в дохристианскую эпохи была именно *греческая идентичность*, и даже решающий во многом фактор Римской Империи был продолжением Греческого царства Александра Великого, в свою очередь, вписанного в непрерывную месопотамскую традицию

Всемирной Империи [10]. А всё содержание римской имперской культуры после символической передачи миссии от Селевкидов Риму тем более было лишь *латинским переводом* или в лучшем случае *латинскими вариациями на греческие темы*.

Запад превращается в свою противоположность

Латинизация греко-римской традиции, которая следовала за расколом церквей в XI в., не была прямым продолжением более древнего латинства, но своего рода *нововведением*, где латинский рационализм и явное тяготение к юридической однозначности и формализму наложилось на новые факторы – германскую и кельтскую идентичности, в изначальном греко-римском контексте большой (а тем более решающей) роли не игравшей. Поэтому следует различать то, что мы понимаем под «латинством» *до* и *после* 1054 г. Естественно, эту дату раскола церквей стоит брать как символическую, и процессы разделения христианского Востока и христианского Запада прослеживаются намного раньше – ещё в V в. и в эпоху завоевания германскими племенами Рима, и далее в моменте узурпации статуса Императора Рима франкским королём Карлом Великим в 800 г. Да и в IX и X столетиях, накануне раскола, отношения между Востоком и Западом христианской экумены были весьма проблематичными. Но с XI в. мы видим уже чёткое и однозначное *необратимое разделение некогда единой цивилизации на 2 строго различных течения*, и расстояние между ними со временем только *возрастает*.

Поэтому в своих корнях русская (православная) цивилизация *едина* с западной (греко-римской). Затем она следует только за византийским вектором, а на последних этапах полностью перенимает византийскую миссию в религии и политике и становится единственным историческим выражением Катехона, удерживающего, вступая в полноту наследия,

статуса Всемирной Империи, уходящей корнями в Рим, в греческое царство, и ещё глубже – к Империи Ахеменидов и вавилонян (Навуходоносор) [10]. Это отражено в знаменитом учении Москва – Третий Рим [6]. И после падения Константинополя в 1453 г. в скором времени Россия осознаёт себя *избранным ковчегом всей греко-римской цивилизации и христианской экумены* с общими корнями, уходящими к истокам христианства, Империи и греческой духовной и философской культуры.

Спор об универсалиях: поворотная точка в судьбе Запада

Конечно, православная и католическая цивилизации не сразу окончательно разошлись даже после раскола церквей и до какого-то момента имели довольно много общего.

Существенным поворотом от единого наследия стал *спор об универсалиях*, который во многом определил судьбу западной философии и теологии, но который при этом был совершенно чужд Византии, и, следовательно, православному миру в целом, включая русских. Точнее, в этом споре столкнулись 3 философские парадигмы – идеализм, реализм и номинализм, 2 из которых – идеализм Платона и реализм Аристотеля – изначально присутствовали и преобладали в греческой культуре и органично перешли затем в христианское богословие, став его метафизическим основанием, но третья – *номинализм* – была чем-то совершенно чуждым и христианской мысли, и греко-римской традиции и ранее имела маргинальный статус в форме натурфилософии и античного атоизма.

Номинализм, представленный в схоластике вначале Иоанном Росцелином, а позднее несколькими поколениями францисканских монахов вплоть до Д. Скота и У. Оккама, вопреки идеалистам-платоникам (допускавшим существование идеи без вещи) и реалистам-аристотелианцам (признававшим реальность идеи

в вещи, но не допускавшим автономного существования ни идей самих по себе, ни вещей самих по себе) утверждал, что существуют *только сами вещи* – материальные, телесные и индивидуальные, а их обобщённые образы – эйдосы, концепты и т. д. – являются не чем иным как *случайными классификационными схемами*, «просто именами» (отсюда термин «номинализм» от латинского *nomen* – имя), «сотрясением воздуха» (*flatus vocis*). Таким образом, закладывалась совершенно *иная модель реальности*, в которой истинным существованием наделялись только *индивидуальные материальные вещи*, а всё идеальное полностью лишалось автономного бытия. С точки зрения номиналистов, универсалий не существует. А Бог творит все вещи мира в их раздельном материально-телесном выражении. Имена же даются вещам случайным образом для удобства классификации.

Показательно, что основатель номинализма французский философ и богослов Иоанн Росцелин не побоялся применить этот принцип и к толкованию догмата о Святой Троице, заявив, что её Лица следует рассматривать как отдельных индивидуальных «богов», а не единое Божество, как учит православная и католическая традиции. Это мнение было категорически отвергнуто как ересь католиками, и в целом номинализм вплоть до начала протестантской Реформации считался неортодоксальным учением, представители которого неоднократно подвергались Римом анафеме.

Восхождение номинализма

На периферии католической мысли – и особенно в Италии эпохи Возрождения, в Англии и более узко в Ордене Францисканцев эта парадигма, тем не менее, была широко распространена, но по-настоящему она стала доминировать лишь после Лютера и волны протестантских реформ. Номинализм параллельно религии стал *главной догмой научной картины мира*, складывавшейся параллель-

но Реформации, пока не превратился в фундаментальную и абсолютную аксиому западного понимания природы реальности – как в естественных науках, так и в богословии, в толковании природы общества, политики, человека и т. д. Католическая традиция до конца номинализм так и не приняла, но её влияние на доминантное мировоззрение Западной Европы в Новое время постоянно сокращалось, пока не стало в свою очередь чем-то маргинальным.

И напротив, в православном мире, в Византии и в традиционной дореволюционной России, эта метафизическая установка осталась чуждой и распространялась исключительно под прямым воздействием западноевропейской науки и культуры Нового времени. *Внутрицивилизационных оснований для номинализма в православной и русской цивилизации никогда не было.* Все теории, учения и школы, основанные на презумпции номинализма, и в частности, материализм, атеизм (как крайнее развитие номинализма, утверждающее, что «Бог» это всего лишь «имя»), атомизм, прогрессизм, капитализм, индивидуализм, позитивизм на православный Восток приходили *извне*, из контекста западной цивилизации, где они утвердились в качестве основополагающей и не подлежащей постановке под сомнение метафизической догмы.

Номинализм стал важнейшим *водоразделом* в философии и онтологии между двумя расходящимися векторами некогда единой цивилизации. Применительно к богословию именно номиналистский подход предопределил идеологию протестантизма. Важнейшим моментом Реформации было отвержение её вождями и теоретиками католического (а ранее православно-католического) учения о Церкви как о онтологически необходимом для спасения институте. Само бытие Церкви мыслилось католиками и православными как духовная инстанция, ос-

нованная на таинствах и объединяющая христиан *в нечто единое*. В определённом смысле такое представление о Церкви делало её *универсалией*, т. е. именно тем, что номиналисты отрицали. Протестанты же считали реально существующим только отдельных индивидуумов и настаивали на том, что их отношение с Богом является исключительно *личным* делом. Отвергали они и таинства, и само бытие Церкви, поставив на её место простое собрание отдельных верующих – конгрегации, которые могли свободно обсуждать различные вероисповедательные вопросы, и если сходились во мнении, то продолжали регулярно встречаться для совместных молитв и проповедей, а если нет, то её члены могли свободно перейти в другую общину или создать собственную. Тем самым номинализм в религии привёл к появлению множества протестантских толков и течений, ещё дальше уйдя от единого ствола христианской греко-римской цивилизации.

В науке номинализм привёл к атомизму и материализму, которые предопределили картину мира Нового времени. Духовное измерение было вычеркнуто из природы, и тем самым произошёл решительный разрыв с традиционными для той же греко-римской культуры представлениями о физике, уходящими корнями в учение пифагорейцев, элеатов, платоников и аристотелианцев. Нечто аналогичное атомизму и материализму мы можем обнаружить ещё у досократиков и в классической Греции – натурфилософы (Фалес, Анаксагор и т. д.), атомисты (Левкипп, Демокрит, Эпикур и т. д.), но там они были маргинальными течениями, а в христианской культуре – полностью отвергнуты и забыты [15]. Европа Нового времени снова обратилась именно к этим воззрениям и на сей раз поставила их *в центре* своего научного мировоззрения. Это сделало разрыв с прежними эпохами ещё более радикальным.

Англия как авангард мировой модернизации

Постепенно номинализм проник и в гуманитарные науки, политические и экономические учения, что выразилось в индивидуализме, демократии и капитализме. Причём более всего продвинулись на этом пути те европейские страны, в которых номинализм распространился одновременно на все основные области – религию (протестантизм), политику (либерализм, парламентаризм, демократия), экономику (капитализм), науку (эмпиризм, механицизм), философию (утилитаризм, материализм, позитивизм) и т. д. Постепенно в этом качестве лидерство закрепилось за *Англией*, которая создала глобальную колониальную Империю, распространив идеологию Нового времени и свойственный ей технологически уклад на территорию всей планеты.

Именно в Англии раньше всего возник номинализм и получил там наибольшее развитие ещё со времён Средневековья, что выразилось в склонности к *эмпирике* у многих богословов (Р. Бэкон, Д. Скотт), собственно в номинализме таких философов, как У. Оккам, научной программе Ф. Бэкона, Т. Гоббса, И. Ньютона, Д. Локка и т. д. Реформация, начавшись в Германии, быстро перекинулась на Англию, где достигла самых крайних форм, включая цареубийство (Английская революция и диктатура Кромвеля). В Англии сложились первые *научные* институты – «Незримая коллегия» и «Лондонское королевское общество по развитию знаний о природе». Там же бурными темпами развивались *индустриализация* и *капитализм*. А философия *индивидуализма*, *либерализма* и *утилитаризма* стала отличительной чертой именно английской культуры Нового времени. Из Англии эти тенденции были перенесены на британские колонии – прежде всего в Северную Америку – и распространялись на остальные европейские страны. Так западноевропейская цивилизация стано-

вилась всё более *англосаксонской*. В XX в. её центр сместился в США, которые после Второй мировой войны стали безусловным лидером западного мира и одной из двух сверхдержав (наряду с СССР).

Англосаксы отошли от греко-римских корней на максимально возможное расстояние

С точки зрения содержательной модели, цивилизация современного Запада, всё более полно совпадающая именно с англосаксонской цивилизацией, ушла от греко-римской эпохи *максимально далеко*. И по мере этого удаления от своих истоков англосаксы постоянно пересматривали и переписывали свою и мировую историю, подчёркивая, выделяя и прославляя в ней именно те стороны, которые соответствовали этой новой парадигме, и критикуя, отбрасывая или забывая те, которые ей противоречили. Так, к XXI в. англосаксонская цивилизация стала представлять собой почти полностью *перевернутую версию* изначальной греко-римской и средневековой христианской цивилизации. В таком состоянии она оказалась в оппозиции своим же традиционным ценностям – платоническому учению об идеях, аристотелевскому реализму, полноценному христианству (с догматами, символами, таинствами, учением о церкви, христоцентричной антропологией и т. д.), идее Империи, сословному обществу, ценностным иерархиям, даже семье и самому человеческому виду, что ярко выражено в гендерной политике и ориентации на трансгуманизм. Англосаксонский либерализм и глобализм, особенно левого толка, представляют собой *прямую антитезу* цивилизации того Запада, которым он был изначальным.

Поэтому последнее тысячелетие истории привело Запад к точке, максимально удалённой от момента раскола церквей, до достижения которой она была прямо противоположной тому, чем стала позднее и к чему пришла сейчас.

Маршруты русской цивилизации

Теперь обратим внимание на русскую ветвь (рис. 5). На ней мы видим не просто отклонение от основного ствола греко-римской цивилизации за точкой Великого раскола церквей, но по сути, её *непрерывное продолжение*. И самым важным моментом в определении цивилизации, которая постепенно становилась русской – от византизма к теории Москвы – Третьего Рима – является *отсутствие в православной культуре спора об универсалиях и особенно номинализма*. Платонизм и аристотелизм сохраняли своё влияние вплоть до падения Византии в 1456 г. под ударами турок, и на позднем этапе византийской истории мы видим их в паламитских спорах, где был поставлен вопрос о природе божественных энергий Пресвятой Троицы. Между собой сталкивались разные интерпретации платонизма – у исихастов (в духе Дионисия Ареопагита [4]) и их противников Варлаама и Акиндина, а также аристотелизма. Но *никогда в истории православия вплоть до конца Российской Империи атомизм и эмпиризм не вторгались в область богословия*, оставаясь вне теологического контекста. Следовательно, в православной и руско-православной культуре отсутствовали сами *предпосылки* для того пути развития, по которому пошла цивилизация Западной Европы и который привёл её к эпохе модерна, научной картине мира и, в конце концов, гегемонии *англосаксонской* модели. Поэтому и позднее появление самостоятельной русской философии в XIX в. шло под эгидой платонизма (В. Соловьёв [13], о. П. Флоренский [14], о. С. Булгаков [2; 3]), заново открытого русским обществом – и напрямую, через переводы диалогов Платона, и опосредованно, через философские системы немецких идеалистов (прежде всего, Фихте, Шеллинга и Гегеля). При этом само православное богословие в своём ядре продолжало в полной мере византийские средневековые традиции, сохраняя цер-

ковное предание и саму онтологию Церкви (с её таинствами) по возможности в первозданном виде.

Модернизация как вестернизация: археомодерн

При этом любые течения, которые имели характер *модернизации*, в т. ч. и в сфере религии, были продуктами *внешнего влияния* и приходили со стороны западноевропейской цивилизации. Этот процесс модернизации русского общества и русской культуры был фундаментально *экзогенным* и не имел в самой русской культуре никаких автохтонных, *эндогенных* предпосылок. Модернизация и вестернизация России – *синонимы*. От прямой колонизации этот процесс отличался лишь тем, что Россия смогла в течение последних столетий сохранить свой политический *суверенитет* и государственную независимость. Но с точки зрения цивилизационного содержания, *модернизация представляла собой установление гегемонии Запада над самобытным и суверенным цивилизационным сознанием русского общества*. При этом основной вектор в этом процессе был направлен *строго против глубинной идентичности России* и её цивилизационной природы. Именно это порождало конфликты между прозападными элитами и русскими массами с эпохи раскола и особенно в период петровских реформ и при продолжателях его дела. Современная наука была перенесена на русскую почву с Запада, где она сложилась в совершенно отличных от православия философских и исторических условиях. Это же во многом касалось культуры, искусства, политических идей, гуманитарных дисциплин и даже некоторых богословских течений, которые оказались под воздействием католицизма и протестантизма.

Однако цивилизационное ядро России сохранялось *нетронутым*, и всякий раз, когда давление модернизаторов ослабевало, русское общество постепенно

возвращалось к своей идентичности, эксплицитно или имплицитно восстанавливая органичные пропорции своей самобытности.

Таким образом, русская цивилизация в своём ядре не только не стала антитезой греко-римскому стволу, но и не удалась от него на критически большую дистанцию. А если и удалась, то лишь под прямым *экзогенным* (!) влиянием Запада как отличной и внешней по отношению к России цивилизации.

Шпенглер назвал это явление «*псевдоморфозом*» [17]. В нашей лексике мы обозначили его как «*археомодерн*» [5]. Речь идёт о том, что в процессе модернизации России элементы одной цивилизации (современной западной) накладывались хаотично и почти случайным образом на другую цивилизацию, организованную вокруг её русско-византийского православного ядра. Так проходила *экзогенная вестернизация русского общества*, не имеющая эндогенных предпосылок, но силовым образом накладываемая прозападной элитой поверх совершенно отличных цивилизационных парадигм. В результате сложилась *гетерогенная модель*, отчасти современно-западного, а отчасти русско-традиционно-православного симбиоза двух ядер – более западного в случае элит (но не всех элит) и более архаического и традиционного в случае масс.

Ярче всего это можно проследить в спорах славянофилов и западников XIX в., когда первые отстаивали цивилизационную самобытность России, призывая освободиться от привнесённых из другой цивилизации элементов, а вторые, наоборот, рассматривали Россию как часть западного мира и призывали к ещё более ускоренной и полной вестернизации и модернизации.

Большевистский археомодерн

По пути модернизации пошли в XX в. большевики, стремясь на сей раз трансформировать идентичность народных

масс, навязав им идеологическую модель, заимствованную в западном марксизме. Но успех большевистской революции и дальнейшее конструктивное строительство социализма во многом были результатом именно *цивилизационной самобытности русского народа*, который мобилизовался для отстаивания своей идентичности, пусть и на основе западного по происхождению и структуре политического учения, на самом Западе остававшегося маргинальным. Это было ещё одной формой русского археомодерна, где под влиянием специфических большевистских элит, но на основе цивилизационного ядра русского народа, сложилась сложная и во многом противоречивая система, ставшая полюсом *цивилизационного противостояния* с Западом.

Так, даже в условиях интенсивной модернизации и слома традиционных ценностей Россия оказалась в цивилизационном антагонизме с Западом. Полнее всего этот дуализм проявился во второй половине XX в., когда сложилась двухполюсная модель мировых систем – социалистическая с центром в советской России и капиталистическая с центром в англосаксонских Соединённых Штатах Америки.

СВО: столкновение цивилизаций

После краха СССР началась новая волна вестернизации, на сей раз в контексте *либеральной идеологии*. Это стало моментом капитуляции России как цивилизации перед лицом либерального Запада. Но при этом на уровне религии стало восстанавливать свои позиции русское Православие как основное ядро цивилизационной идентичности.

При Путине снова стало расти самосознание общества, и параллельно восстановлению политического и государственного суверенитета начался растянутый во времени процесс поворота России к своим *цивилизационным корням*. Это сопровождалось нарастающим разочарова-

нием в либерализме и повышением уровня конфронтации с Западом.

Так, Россия постепенно становилась самостоятельным полюсом многополярного мира, и параллельно усиливалась субъектность других цивилизаций и государств-цивилизаций (Китая, Индии), что бросало вызов гегемонии либерального Запада.

После начала специальной военной операции (СВО) 24 февраля 2024 г. конфликт с Западом вошёл в горячую стадию, и на сей раз он был осмыслен властью и обществом как полноценное *столкновение цивилизаций* [16]. Причём уже не *опосредованно*, как было в случае советской идеологии, но напрямую – в терминах, близких к позициям русских славянофилов (И. В. Кириевского, А. С. Хомякова, братьев И. С. и К. С. Аксаковых, К. Н. Леонтьева, Н. Я. Данилевского и т. д.), евразийцев (Н. С. Трубецко, П. Н. Савицкого, Н. Н. Алексеева и т. д.) и монархистов (И. А. Ильина, Л. А. Тихомирова, И. Л. Солоневич и т. д.). Именно тогда, при президенте РФ В. В. Путине, был подписан указ № 809 о защите *традиционных ценностей*, и, собственно, встал вопрос о вестернологии¹.

В такой ситуации поляризация с цивилизацией Запада стала очевидной, наглядной и контрастно выраженной, и вся вестернологическая картина, представленная на рисунке 5, приобрела своё значение. На ней наглядно содержится ответ на вопрос, является ли Россия западной цивилизацией или чем-то особенным и самобытным, т. е. иной цивилизацией. В своих корнях – да, но постепенно пути России и Запада всё больше расходились, пока они не стали *двумя антагонистическими полюсами*, двумя совершенно различными цивилизациями, более того,

находящимися в ценностной и геополитической конфронтации.

Также ясно очерчена преемственность в отношении Византии, христианской Империи, греко-римской культуры.

У других цивилизаций, безусловно, вестернологическая карта будет иметь совершенно иной вид, но какой именно, следует рассмотреть в отдельных статьях. Пока же стоит ограничиться русской версией.

Греческая доминанта

Последнее, на что стоит обратить внимание при рассмотрении вестернологической схемы, это *этнический контекст*, в котором проходили основные цивилизационные процессы.

Следует подчеркнуть, что истоки всей рассматриваемой нами системы – *греческие*. Это касается языка, культуры, философии, основных понятий и представлений, на которых либо прямым, либо обратным (как в случае англосаксонского либерализма) образом строится цивилизационная идентичность. Конечно, сама древнегреческая цивилизация испытывала влияния и Месопотамии, и Египта, и семитских культур, и иранского зороастризма, но тем не менее именно она представляла собой нечто *цельное и органичное*, что впоследствии определило содержание христианской культуры, а несколько раньше культуры имперского Рима. Огромное значение имеет и тот факт, что Ветхий Завет был переведён вначале именно на греческий – Септуагинта, а Евангелия были написаны на греческом языке. Даже идея Империи была передана латинянам греками (Селевкидами и другими эллинистическими правителями бывшей Империи Александра Великого). В ещё большей мере на латинян повлияли греческая философия, культура и религия, предопределив основные семантические узлы культуры имперского Рима. Театр, философия, религиозные мифы, искусство в целом – всё это было по сути *переводом* на латинский

¹ Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей. Указ Президента Российской Федерации № 809 от 09.11.2022. // Собрание законодательства РФ. 2022.

язык греческих образцов и школ. Даже знаменитая любовь латинян к области права свои истоки имела в законах и правовой мысли греческих полисов. То, что называется «латинской культурой имперского периода» было переводом с греческой и латинской версии именно греческих смыслов и парадигм.

Перенос императором Константином столицы Римской Империи в Византию (Константинополь) был логическим движением в контексте *единого греко-римского культурного пространства*, но и предшествовавшие периоды в истории Средиземноморья, после начала римских завоеваний его восточных областей, были основаны на *греческом содержании*, которое постепенно переходило в латинские формы.

Греческое и латинское начала в греко-римской цивилизации не были равнозначными и равновесными. Основная фундаментальная парадигма всей этой цивилизации была именно *греческой* – не столько в языковом, сколько в семантическом измерении.

Кельто-германский фактор в модернизации Запада

Дальнейшее разделение Запада и Востока не было автономизацией греческого и латинского начал в общем контексте средиземноморской имперско-христианской культуры. И в латинской части до определённого момента по-прежнему преобладали греческие смыслы, лишь переведённые на латинский язык. И хотя язык имеет большое значение, смысл *первичнее* и важнее. Поэтому едва ли можно объяснить отклонение христианского Запада от христианского Востока чем-то «латинским» или «римским». Намного более важным фактором было усиление влияния *германских и кельтских* народов, которые стали реципиентами греко-римского христианства и римско-имперской политической традиции. Влияние этого ядра нарастает по мере удаления Запада от общего греко-латинского ство-

ла, а тот факт, что Западная Европа сохраняет своим койне именно *латинский* язык, остающийся до сих пор языком католической мессы и бывший общеевропейским языком философии и науки, едва ли можно признать определяющим, поскольку латынь несла в себе фундаментальное влияние греческой парадигмы.

Собственно, Новое время в Европе как начало полного *разрыва* со своими предшествующими этапами и глубинными корнями начинается тогда, когда формируются национальные системы западноевропейских народов в двух полюсах – *германском и кельтском*. Причём то обстоятельство, что полнее всего европейский модерн воплощён в *англосаксонских* культурах, объясняется тем, что в Англии произошло *наложение германского и кельтского начал* [7], что постепенно привело к отдалению от латинского наследия и восстанию против католического Рима. Западная современность достигла своего наиболее острого и интенсивного проявления именно в кельтско-германской среде Северной Европы, тогда как католический и латинский юг от Австрии через Италию и до Иберийского полуострова оставался более связанным с предыдущими эпохами. Это довольно ярко отразилось в религиозных войнах XVII в. между протестантами и католиками, с поправкой на то, что Франция, будучи католической и латиноязычной, выступала против католической Австрии. Более того, уже с XIV в. во Франции появляется течение галликанства, аналогичное англиканству в Англии и настаивавшее на автономии французской церкви от власти Римских пап [8].

Окончательный переход к принципу наций и отказ от духовной юрисдикции Рима стал следующим шагом в модернизации Западной Европы, её секуляризации и отдаления от греко-римских корней.

Католические страны Южной Европы в процессе модернизации занимали более умеренные позиции, что сказалось на

2 типах колониальных обществ в Новом свете – более *модернизированных* англосаксонских протестантских колоний и более *архаичных* латинских и католических (испано-португальских). По сути, это обусловило выделения латино-американской цивилизации в нечто самостоятельное и отличное как от США, так и от современной западной цивилизации в целом.

Русское ядро

В православной цивилизации тоже произошли определённые *этнические* сдвиги. Здесь греческое начало сохраняло своё доминантное положение вплоть до падения Константинополя, что в определённой мере и позволяет рассматривать православную традицию как *аутентичную и изначальную*, основанную на непрерывности культурной парадигмы с эпохи греческой Античности и вплоть до XIV в. При этом другие народы, принимавшие православие – грузины, болгары, сербы, румыны и русские – брали за образец именно греческие смыслы и формы и до определённого момента двигались в русле византийской культуры и традиции.

Греческое начало не замещалось и не опосредовалось латынью, значение которой в православной культуре было невелико.

В поздние периоды Византии болгары, сербы и румыны выдвигали идеи о преемственности византийской цивилизации и претендовали на роль Катехона, т. е. полюса православной экумены, но в XV в., когда Византия пала окончательно, в состоянии подхватить миссию Константинополя смогла только Россия [6]. И с этого момента единственный раз в истории греко-римской цивилизации в её наиболее аутентичном византийско-православном издании *сменился доминирующий этнос* – с греческого на русский. Другие православные народы либо утратили политический суверенитет (болгары, сербы, румыны под осма-

нами), либо (как в случае Грузии) им не хватало масштаба для того, чтобы претендовать в полной мере на роль всемирной христианской Империи. Только Московская Русь оказалась в состоянии провозгласить себя Третьим Римом и продолжить историю цивилизации. Так, русский народ стал *новым ядром древней цивилизации*. И хотя под влиянием Запада и модерна в последние столетия устои этой цивилизации были существенно поколеблены, а в определённые эпохи и подвергались целенаправленному уничтожению, в сердцевине русского народа и в непрерывном историческом бытии русской Церкви эта цивилизация и её основные смысловые узлы сохранились вопреки всему.

И в моменте прямого и жестокого столкновения с западной цивилизацией обращение к этому уровню русской идентичности является главным залогом нашей Победы.

Выводы

Проведённый анализ позволяет в очередной раз зафиксировать ту мысль, что Россия к цивилизации Запада в любой модификации западной эпистемы не принадлежит. Перенос западных парадигм и установок в российский цивилизационный контекст поражает суверенные потенциалы России как государства-цивилизации. Русский постмодерн, как и русский модерн есть слова-оксюмороны. И постмодерн, и модерн являлись продуктом западного цивилизационного развития, и их перенос в Россию, равно как и в иные цивилизации, является западнической экстраполяцией. Ранее такой же искусственной экстраполяцией западных эпистем являлись эволюционный подход и теория общественных формаций.

Подтверждая в очередной раз позицию о том, что Россия не есть в цивилизационном смысле Европа, результаты исследования позволяют внести важное дополнение, объясняющее близость определённых образов и форм куль-

турной рефлексии. Исторически протозападное и протороссийское сообщества действительно составляли единую цивилизационную общность. Однако внутренние противоречия привели на определённом историческом этапе (XI в.) к цивилизационному расколу. Далее кристаллизовавшиеся по результатам этого раскола 2 цивилизации всё более дистанцировались друг от друга. Цивилизации России и Запада всё более превращались в цивилизационных антагонистов. На современном этапе раскол достиг исторического максимума.

Цивилизационное дистанцирование не означало отсутствия попыток идеологических и культурных экстраполяций. Напротив, такие попытки даже усиливаются. Но чем больше была цивилизационная дистанция, тем разрушительней оказывались соответствующие переносы.

России сегодня необходимо перейти на цивилизационные эпистемы. Применительно к себе – отбросить западные установки; применительно к Западу – отбросить претензии на универсальность.

Дата поступления в редакцию 26.12.2024

ЛИТЕРАТУРА

1. Боас Ф. Антропология и современность. М.: Альма-матер, 2024. 39 с.
2. Булгаков С. Н. Философия имени. Париж: YMCA-press, 1953. 278 с.
3. Булгаков С. Н. Свет не вечерний. Созерцания и умозрения. М.: Республика, 1994. 414 с.
4. Дионисий Ареопагит. Сочинения. Толкования Максима Исповедника. СПб.: Алетейя; Издательство Олега Абышко, 2002. 854 с.
5. Дугин А. Г. Археомодерн. М.: Академический проект, 2022. 255 с.
6. Дугин А. Г. Москва Третий Рим. Семь диспенсаций Русской Идеи. СПб.: Владимир Даль, 2024. 239 с.
7. Дугин А. Г. Ноомахия. Англия или Британия? Морское могущество и позитивный субъект. М.: Академический проект, 2015. 595 с.
8. Дугин А. Г. Ноомахия. Французский Логос. Орфей и Мелюзина. М.: Академический проект, 2015. 439 с.
9. Леви-Стросс К. Структурная антропология. М.: Наука, 1985. 399 с.
10. Малофеев К. В. Империя. В 3 т. М.: АСТ, 2022. 1520 с.
11. Ницше Ф. В. Веселая наука / пер. с нем. М. Кореновой, С. Степанова, В. Топорова. СПб.: Азбука-классика, 2006. 349 с.
12. Саид Э. В. Ориентализм. Западные концепции Востока. СПб.: Русский Мир, 2016. 672 с.
13. Соловьев В. С. Сочинения. Т. 2. М.: Мысль, 1988. 822 с.
14. Флоренский П. А. Сочинения. Т. 1. М.: Правда, 1990. 842 с.
15. Фрагменты ранних греческих философов / сост. А. В. Лебедев. Ч. 1. М.: Наука, 1989. 576 с.
16. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новиковой. М.: АСТ, 2003. 603 с.
17. Шпенглер О. Закат Западного мира / пер. с нем. И. И. Маханькова. М.: Альфа-книга, 2014. 1088 с.

REFERENCES

1. Boas F. *Antropologiya i sovremennost* [Anthropology and modernity]. Moscow, Alma-mater Publ., 2024. 391 p.
2. Bulgakov S. N. *Filosofiya imeni* [Philosophy of the name]. Paris, YMCA-press Publ., 1953. 278 p.
3. Bulgakov S. N. *Svet nevecherniy. Razmyshleniya i razmyshleniya* [Non-evening light. Contemplation and speculation]. Moscow, Respublika Publ., 1994. 414 p.
4. Dionisiy Areopagit. *Esse. Tolkovaniya Maksima Ispovednika* [Dionysius the Areopagite. Essays. Interpretations of Maximus the Confessor]. St. Petersburg, Aleteyya Publ., Izdatelstvo Olega Abyshko Publ., 2002. 854 p.
5. Dugin A. G. *Arkheomodern* [Archeomodern]. Moscow, Akademicheskij proyekt Publ., 2022. 255 p.
6. Dugin A. G. *Moskva – Tretiy Rim. Sem ustroyeniy Russkoy Idei* [Moscow Third Rome. Seven dispensations of the Russian Idea]. St. Petersburg, Vladimir Dal Publ., 2024. 239 p.

7. Dugin A. G. *Noomakhia. Angliya ili Velikobritaniya? Morskaya sila i pozitivnaya tema* [Noomakhia. England or Britain? Sea power and positive subject]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2015. 595 p.
8. Dugin A. G. *Noomakhia. Frantsuzskiy logotipy. Orfey i Melyuzina* [Noomakhia. French Logos. Orpheus and Melusine]. Moscow, Akademicheskii proyekt Publ., 2015. 439 p.
9. Levi-Stross K. *Strukturnaya antropologiya* [Structural Anthropology]. Moscow, Nauka Publ., 1985. 399 p.
10. Malofeyev K. V. *Imperiya* [Empire]. Moscow, AST Publ., 2022. 1520 c.
11. Nitshe F. V. *La gaya scienza* (Rus. ed.: Koreneva M., Stepanova S., Toporova V., transl. *Veselaya nauka*. St. Petersburg, Azbuka-klassika Publ., 2006. 349 p.)
12. Said E. V. *Orientalizm. Zapadnyye predstavleniya o Vostoke* [Orientalism. Western concepts of the East]. St. Petersburg, Russkiy mir Publ., 2016. 672 p.
13. Solovyev V. S. *Sochineniya. Tom 2* [Works. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ., 1988. 822 p.
14. Flopenskiy P. A. *Sochineniya. Tom 1* [Works. Vol. 1]. Moscow, Ppavda Publ., 1990. 492 p.
15. Lebedev A. V., ed. *Fragmenty pervykh grecheskikh filosofov* [Fragmenty rannikh grecheskikh filosofov]. Moscow, Nauka Publ., 1989. 576 p.
16. Huntington S. *Kampf der Kulturen* (Rus. ed.: Novikova Yu., transl. *Stolknoveniye tsivilizatsiy*. Moscow, AST Publ., 2003. 603 p.)
17. Spengler O. *Der Untergang der westlichen Welt* (Rus. ed.: Makhankova I. I., transl. *Zakat zapadnogo mira*. Moscow, Alfa-kniga Publ., 2014. 1088 p.)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дугин Александр Гельевич – кандидат философских наук, доктор социологических наук, доктор политических наук, директор Учебно-научного центра «Высшая политическая школа имени Ивана Ильина» Российского государственного гуманитарного университета;
e-mail: vpsh@rggu.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Alexandr G. Dugin – Cand. Sci. (Philosophy), Dr. Sci. (Sociology), Dr. Sci. (Political Sciences), Director of the Educational and Research Center “Ivan Ilyin Higher Political School”, Russian State University for the Humanities;
e-mail: vpsh@rggu.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Дугин А. Г. Вестернология: в направлении суверенной русской науки // Вестник Государственного университета просвещения. Серия: История и политические науки. 2024. № 6. С. 7–24.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24

FOR CITATION

Dugin A. G. The map of Western Studies for the Russian Civilization. In: *Bulletin of Federal State University of Education. Series: History and Political Sciences*, 2024, no. 6, pp. 7–24.
DOI: 10.18384/2949-5164-2024-6-7-24